

Адолф

Аришевский

КАРА СОЗДЕР АТСАЛИМА ИДИГОВА

Атсалим Идигов – известный журналист и общественный деятель, живет и работает в Талдыкоргане. Был руководителем пресс-службы акима области. Возглавлял региональные газеты. Стоял у истоков создания национальных культурных центров. Член Ассамблеи народа Казахстана. Лауреат Премии Президента РК в области журналистики. Когда в Ак Орде во время вручения премии он произнес эмоциональную речь на казахском языке, Мухтар Кул-Мухаммед заметил: «Здорово, что среди нас живут такие достойные представители чеченского народа».

КОРНИ. САЛАМУ ИДИГОВ

«Над вымыслом слезами обольюсь...» Поэт точно обозначил состояние сочинителя, когда тот вникает в судьбу своего героя. А тут не вымысел, а горестная правда. И не об одном человеке – о народе, которого усатый генералиссимус заподозрил в измене и подверг депортации, обрекая на погибель. И вроде бы знаешь все недобрые перипетии нашей недавней истории, а поди ж ты – комок подкатывает к горлу, и слез не хватит, чтобы осмыслить нашу всеобщую беду.

Ингушей и чеченцев депортировали в феврале-марте 1944 года. До места ссылки эшелоны добирались месяц, и как живое свидетельство того скорбного пути – бесчисленное число могил вдоль железной дороги, тут же, рядом с железнодорожным полотном. Отойти от вагона на пять метров считалось побегом и каралось расстрелом. По прибытии их выбросили в оледенелую, промозглую мартовскую степь. Оно и впрямь – кровь стынет в жилах. Отец, когда при нем упоминали про эту большевистскую эпопею, замыкался в себе и мог молчать часами. Мама безропотно глотала слезы. Во всем повинна цепкая детская память: маме было в 1944-м 10 лет, отцу – 13. Вот уж кто мог с полным правом сказать: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Но, как говорят казахи, «народ – самый верный судья». Ведь и самих казахов советская власть не так давно приласкала голодомором, они не понаслышке знали, что такое лихо, а потому без звука дали кров бедолагам с Кавказа, поделились последним куском хлеба.

Судьбою их прибило в свекловодческий совхоз. Отец был природный трудяга, он не чурался никакой работы. Он за штурвалом трактора пахал, за неимением в совхозе автолавки заведовал продовольственной развозкой, а по прошествии лет стал заместителем директора совхоза. В нем уживались мудрость, долготерпение, вера в справедливость и сердобольность. К нему шли за советом и помощью. Муж побил жену, она мчалась в поисках защиты к Саламу Идигову: «Агай, приструни дурака!» Тут национальность значения не имела, распустивший кулаки молодец мог быть чеченцем, ингушем, казахом, русским – да кем угодно! Отец вызывал его на ковер и находил слова, интонации, доводы, чтобы и пристыдить, и образумить зарвавшегося парня, наставить на путь истинный. Причем на его родном языке, будь то чеченский, казахский или русский. Народ Саламу Идигова уважал, чтил, как отца родного.

Потом появилась возможность вернуться на историческую родину, многие ингуши и чеченцы воспользовались этим. А Идиговы остались в Казахстане, они сроднились с этим селом, с этой землей и людьми на ней, с этим небом, с языком казахов, с их обычаями, с их менталитетом. Когда же приблизился срок отцу покинуть земную юдоль, Атсалим осторожно спросил его: где он хочет быть похороненным – в Чечне? У Атсалима уже лежали в кармане авиабилеты в Грозный.

Но отец отрицательно качнул головой:

– Похороните меня здесь.

– Но там могилы предков.

Как же быть-то? И упавшим голосом Атсалим сказал:

– Отец, я уже билеты взял...

Отец нахмурился и отвернулся. Когда его, обессиленного хворью, вынесли из дому, чтобы везти в Алматы к самолету, у их ворот стояло полсела. И он, горец, собравшись с силами, сказал слова прощания и благодарности степнякам, среди которых прошла его жизнь. Сказал на их родном, казахском языке, который стал за эти годы для него таким же родным и привычным, как и язык вайнахов. Его провожали до околицы, люди плакали навзрыд.

Полгода спустя, когда отца уже не стало, Атсалима пригласили на сход села. И объявили, что центральная улица, носившая имя вождя мирового пролетариата, отныне будет называться улицей Саламу Идигова...

СТАНОВЛЕНИЕ. ВСЕГДА ДЕРЖАТЬ СЕБЯ В УЗДЕ

Атсалим Идигов родился 1 января 1954 года в селе Октябрь, что километрах в тридцати от Талдыкоргана. Ныне село это обрело название Жарлыозек – по имени речки, без которой родное село представить себе невозможно. И, вопреки своему сверхплотному рабочему графику, если Атсалим хотя бы один раз в две-три недели не выберется сюда, он чувствует себя обделенным. Как в детстве, когда отец не отпускал его в кино. Там в огороде дел невпроворот, и за скотиной нужен глаз да глаз. Какое там кино!.. Но если вдруг удавалось отпроситься – все же новый индийский фильм! – это был праздник. А возможность погонять футбол или шайбу – праздник вдвойне. И еще запомнилось: ему купили новые ботинки. О, то было крупное событие в его мальчишеской жизни...

Вообще-то детства не было, все они работали от зари до зари. Мать обтяпывала сахарную свеклу, а малышня возделывала лук. На коленах, на короточках маленькими тяпочками обрабатывали стебли лука, зачищая его от сорняков. Кормила их домашняя скотинка, а ее надо обихаживать и холить. А главным кормильцем был огород. Отец был убежден: руки-ноги есть, и если ты не лодырь и не разгильдяй – огород прокормит. Их в семье было десятеро, отец всех держал в жестких тисках. «Вот окончу школу, вырвусь из-под отцовской опеки, уеду в Алматы поступать в институт, там оторвусь по полной программе», – думал Атсалим. Ан нет! Самоконтроль был жесточайший. Он ничего не мог поделывать с самим собой и с этим самоограничением. По жизни так и прошел, держа себя в узде: и в армии, и в студенческие годы на журфаке, и после, уже с головой окунувшись в работу. Это он несет по жизни, и это же передает своим детям.

Отцовский дом виден издалека. Атсалим помнит, как отец ставил железные ворота. А как поставил их, по обе стороны от створок воткнул в землю четыре прутика – саженцы карагача. Сейчас стволы их в два обхвата, и вымахали они с девятиэтажный дом. «Господи, как хорошо, что я не продал родительский дом на излете лихих 90-х!» Хотя покупатели были, и предлагали хорошие по тем временам деньги, а в сущности – копейки. Тогда в самом Талдыкоргане можно было купить трехкомнатную квартиру за триста долларов. Народ разбегался из города, а тем более из окрестных сел кто куда. Талдыкорганскую область упразднили, город как бы лишился дыхания, панельные дома зияли пустыми глазницами окон, как будто город побывал под бомбежкой. Люди бросали квартиры, уезжали в поисках лучшей доли. Кто в Алматы, кто на свою историческую родину – в Россию, в Германию, в Польшу, на Землю Обетованную... Его тоже зазывала родня в Чечню, но он корнями врос в эту землю и не мог ее оставить. Тем более когда земля эта пыталась одолеть лихолетье.

Это уж в начале двухтысячных началось возрождение, когда городу вернули статус областного центра, расширив его полномочия. Теперь Талдыкорган стал центром Алматинской области. Исчезли пустые глазницы панелек, заново стали мостить дороги, появились новостройки. Город обрел новую жизнь...

Атсалим постоит у ворот, огладит ладонью шершавый ствол карагача и ощутит его надежную мощь и неколебимость. Тут же рядом раскинула крону слива, ее посадила мама, и слива одаривает их теперь дивными урожаями душистых рясных ягод. Родители ушли из жизни, теперь здесь хозяйствует младший брат, ему препоручено беречь родительское гнездо.

Если на дворе погожее лето, Атсалим возьмет удочку и отправится на речку, ловить пескарей и османа. И каждый куст, каждый валун и поворот реки наполнены запахами и звуками детства. Тут он пас овец, а здесь скакал на лошади. И купались до посинения, а потом, приплясывая, бежали по горячей пыли домой...

Он мечтал стать юристом и с аттестатом зрелости поехал в Алматы поступать на юрфак, но завалил немецкий. И год вкалывал разнорабочим в СМУ. В армии из-за какой-то мимолетной хвори попал в госпиталь, но то был знак судьбы. Его соседом оказался офицер с марксистской фамилией Плеханов, он писал стихи и, сверх того, был газетчиком. Он с таким восторгом живописал работу журналиста, что в Атсалиме сработало зажигание, он начал писать заметки в армейскую газету «Суворовец». И что интересно – заметки эти охотно печатали. Еще не зная зачем, он аккуратно вырезал их и складировал в тетрадку. А демобилизовавшись, подал документы в КазГУ – теперь уже на журфак. Вот тут-то заметная тетрадка с армейскими описами и сослужила ему добрую службу: газетные публикации нужны были абитуриенту как воздух.

Студентом он был сверхактивным. Естественно, его избрали комсоргом, плюс ко всему он истово занимался спортом, тем паче что наставником его был не кто-нибудь, а сам Темиркан Досмуханбетов. Уже в наши дни Темиркан Мынайдарович станет министром по делам молодежи и спорта, воспитав в КазГУ целую плеяду чемпионов. Ну а Атсалим уже в студенческие годы стал мастером спорта СССР по самбо.

СЕГОДНЯ. «ХОЧУ СДЕЛАТЬ УМНУЮ ГАЗЕТУ»

А после КазГУ все пошло как по накатанному. Он вернулся в родные края. Он прошел журналистскую стезю «от» и «до», начиная от районки, а теперь вот став редактором областной газеты «Огни Алатау». До этого он 14 лет был заведующим пресс-службой в облакimate, что является в сущности мостиком между властью и журналистами. Ему довелось сотрудничать с пятью акимами, людьми очень разными и непростыми, но он сумел найти общий язык с каждым из них.

Он смолоду осваивал профессию журналиста въедливо и терпеливо, как приемы самбо. Главное – удачно сделать захват. Потом бросок или... удержание не меньше 20 секунд. Что – хромает сравнение? Может быть, может быть. Но журналисту нужен бойцовский характер, без этого в нашей профессии никак.

– Что значит быть главным редактором?

– Это значит все 24 часа в сутки думать о газете. Хочу сделать умную газету. Мне нужен не только информационный блок, но и аналитика. Мне нужна авторская позиция в материалах. Хочу заставить читателя думать. Да, нужны профессионалы высокой пробы. Где их взять? Как там говорил незабвенный Ильинский в «Карнавальная ночь»? Воспитаем Бабу Ягу в собственном коллективе.

– Что еще вы хотели бы сделать в жизни?

– Успеть поднять на ноги детей, чтобы они нашли свое место в жизни. Я неоднократно встречался с Президентом. Мне врезались в память его слова: «Когда человек счастлив, он этого не осознает. Он вспоминает о счастье, одолевая горести». Всю глубину этих слов я осознал, когда увидел город Грозный в руинах. Как Сталинград после битвы. Президентского дворца нет, гостиницы «Кавказ» нет. Триста тысяч человек погибло под бомбами. Ребята, говорю я своим товарищам казахстанцам, не дай бог пережить нам то, что выпало на долю Чечни. Там ведь погибали не только чеченцы, но и русские, евреи, армяне. Там был полный интернационал. Бомба – она слепая, национальности не выбирает. А у нас с вами есть мир и согласие, все остальное можно пережить. Но будем помнить, что мир, стабильность, толерантность не с неба упали, они результат усилий нашего Президента. Нам есть чем гордиться, есть что беречь.

